

НАТИГ РАСУЛЗАДЕ

РАССКАЗЫ

Телефон

Купил новый телефон, потому что потерял старый, к которому, между прочим, очень привык и, моя бы воля, ни за что бы не променял ни на какую супер накрученную модель. И вообще мне все эти телефоны, ну их... И с ними некомфортно (звонки – сплошная нервотрепка, звонят обычно те, кто от тебя чего-то хочет), и без них не обойдешься. Ничего не поделаешь, жизнь не повернешь вспять, в мою молодость, когда все мы прекрасно себя чувствовали без телефонов, компьютеров, интернета, ладно... Остановимся на этом, пока меня не посчитали ретроградом, тянущим назад. Стал восстанавливать утерянные контакты, по крупичкам, по крупичкам, по звонкам, по звонкам. Изучал, осваивал и приноравливался к капризно-избалованному характеру нового приятеля, осторожнее! Нельзя тронуть, нельзя дотронуться, случайно не то тронешь, заденешь, тише, тише; носил его бережно в кармане, перекалывал в нагрудный, поближе к сердцу, чтобы не обиделся, время от времени аккуратно полировал его защищенный пленкой экран о свои брюки, дышал на него, боялся дышать на него, чтобы был со мной в хороших отношениях и принимал только приятные, доброжелательные, с выгодой для меня звонки и отвергал ненужные и неинтересные предложения. И мне казалось – задобрил. И трель его, что я выбрал, вроде бы, понравилась и ему тоже, потому что – может, мне почудилось – он так нежно выдавал её, так усердно разливался соловьем, особенно по ночам, когда я спал, а он бодствовал, не устав трезвонить целый день.

– Что тебе надо, час ночи? – спрашивал я спросонок. – Порядочные люди не звонят в такое время.

– Возьми, возьми, тебя ожидает сюрприз, – отвечал он, посылая волны флюидов в мое сознание.

Я выключал его, но и выключенный, как в затасканных фильмах-хоррор, он через несколько минут, словно очнувшись после обморока, повторял звонок.

Утром я сказал ему:

– Если не перестанешь безобразничать, я продам тебя за самую низкую цену.

Он обиженно промолчал, в голове у меня ничего не послышалось, как обычно бывало во время разговора с ним. Уходя, я не взял его с собой, пусть знает, как свою рысь показывать... Вечером, возвращаясь с работы, я еще на лестничной площадке услышал его истерические вопли, ничего общего не имевшие с прежней мелодичной трелью. Я поспешно открыл дверь, и звонок тут же прекратился, будто телефон хотел сыграть со мной в детскую игру «найди меня», я кинулся к письменному столу, на котором, уходя, оставил его. Но телефон был на полу. Я поднял его, открыл почту, вошел в vatsapp и прочитал сообщение: «приходили воры, унесли телевизор, компьютер и четырнадцать манатов, я им ничего не сказал».

Я с уважением посмотрел на телефон.

Пользовался я им крайне ограниченно, ни в какие игры я не играл, потому что давно вышел из того возраста, когда тратишь свое время на проверку своих умственных, аналитических способностей, мои возможности давно были мне известны, и теперь мои годы не оставляли мне никакой надежды, что что-то в этом плане изменится к лучшему. Долго болтать по телефону я и в юные годы не мог, мне претила

телефонная болтовня, только короткие деловые переговоры. Снимать фото или видео, гуляя по улицам, изображая из себя ротозея-туриста, для меня не было никакой необходимости, так как я издавна привык все запоминать внутренней памятью, которую, в отличие от фото, ограниченного тупыми, косными рамками реальности, можно было дополнять и развивать своей фантазией. Таким образом, оставалось очень мало функций, что могли бы быть мной задействованы, просто в других не было необходимости, и дома укоряли меня за то, что я по своей неосведомленности купил такой дорогой телефон, когда вполне мог бы обойтись гораздо более дешевой моделью... Телефон слышал эти разговоры, слышал, как я посылал к черту все телефоны на свете, и затаил обиду...

Потом стали происходить странные вещи: вдруг куда-то бесследно исчезали важные для меня звонки, и только через время, когда момент и хороший шанс уже нельзя было вернуть, человек дозванивался, наконец, и недоумевал, почему я не отвечал и не перезванивал. Я не знал, что ответить. Сообщения по vatsapp доходили в искаженном виде, какие-то непонятные иероглифы, нужные мне три основных шрифта пропали, а на их место встали китайский, древнегреческий и арабская вязь, и сколько я ни бился, чтобы вернуть шрифты, дабы можно было посылать сообщения, через время снова возникали неизвестные буквы и иероглифы.

– Я разобью тебе морду, телефон! – вопил я в ярости, постепенно утратив почти все деловые контакты с нужными людьми.

– На себя полюбуйся, морда, – отвечал он спокойно с оправданной иронией.

– Растоптать бы тебя, сволочь! – кипя от злости, ворчал я.

– Только попробуй, – грозил он, откровенно хихикая. – Вспомни, сколько ты денег зря потратил... Я на твоём месте не стал бы так расшвыривать семейный бюджет.

Телефон, совершенно обнаглев, откалывал все новые издевательства. Теперь по ночам включался будильник, и в три ночи, четыре утра громко, воодушевленно, голосом карлика-педераста возвещал начало нового дня, который принесет радость, а может, даже и счастье, если сойду с ума, поскольку общеизвестно, что постоянное ощущение счастья – удел идиотов.

Шли дни, и наше противостояние, в котором каждый раз я безнадежно проигрывал, все более усугублялось. Я перестал спать в напряженном ожидании звонка будильника, который, как ни старался, не мог отключить, в ожидании идиотских звонков непонятных незнакомцев, которые то и дело спрашивали среди ночи то аптеку, то прачечную, то сауну, где обслуживают молоденькие массажистки. Телефон заставил меня скрупулезно, досконально изучить все его функции, нужные и ненужные, но все равно я не мог пользоваться им, как своим старым телефоном, нужные не приносили никакой пользы, а ненужные просто бесили, как этот проклятый будильник и звонки не попадавших, куда надо, людей, будто мы вернулись в середину прошлого века. Я настолько сроднился и изучил новый, с крутым норовом телефон, что чувствовал себя единым существом с ним, но вместе с тем, будто какой-то неведомый враг засел у меня внутри, как неизлечимая болезнь, которая заставляет больного думать только о ней, как огромные деньги, что управляют своим хозяином, так же и я постепенно, сроднившись, оказался в руках этого зловещего, беспощадного монстра, такого симпатичного и исполнительного с виду.

И однажды среди ночи я в полусне, в напряженном ожидании очередного телефонного вопля, вдруг услышал тихий внушительный голос внутри себя, необсуждаемый приказ. Я поднялся с постели и был как сомнамбула, как зомби, безвольным, как робот, которым можно было управлять... я взял телефон, как было велено, и вышел на балкон своей квартиры на шестнадцатом этаже.

– Прыгай! – приказал телефон.

И вот я прыгнул...

Осьминог

В последнее время у шестидесяти трехлетнего N. не на шутку расшатались нервы, а также разыгралось и без того буйное воображение, которое и днем и ночью не давало ему покоя. N. страдал застарелой неврастенией и еще многими болячками, на что старался не обращать внимания, что ему с трудом, но удавалось, время от времени...

Сам не понимаю, зачем я взял такой пошлый, игривый тон с самого начала.

Одним словом, N. решил обратиться к врачу, точнее – к врачам, и серьезно заняться всеми своими болячками, в числе которых были и проблемы с позвоночником. Нажил от долгого сидения, такая работа. Нельзя сказать, что он не любил врачей, он не любил к ним обращаться. Ему, можно сказать, даже нравились врачи, особенно если противоположного пола и в теле.

Он побывал у невропатолога (женщина, миловидная, лет сорока, метр пятьдесят пять, шестьдесят пять килограммов) и остался доволен первым впечатлением.

– Побольше бывайте на свежем воздухе, – после долгих расспросов и манипуляций с телодвижениями, резюмировала она. – Занимайтесь спортом, вот плавание очень хорошо успокаивает нервы... и попейте, вот я прописала, – сказала она, протягивая N. листок. – А чем вы занимаетесь? У вас сидячая работа? Кто вы по профессии?

Из трех вопросов, почему-то оставленных врачом напоследок и заданных troppoливо, будто она старалась побыстрее избавиться от N., он выбрал последний, самый сложный. Ему было неловко признаться, что он писатель, а не бизнесмен, не свадебный певец, не ректор, не депутат, не дипломат, даже не врач-гинеколог. И он промямлил нечто невразумительное, впрочем, женщина, которая в теле, и не ждала ответа, а ждала уже следующего пациента.

Да, увы, увы, наш приятель N. был всего лишь писатель, наделенный буйным воображением, пишущий рассказы, романы, сценарии, которые не принесли ему славы и денег, а принесли неврастению и другие болячки, и кроме того два года заключения, что произошло почти накануне развала огромной страны, с цензурой которой N. как писатель воевал, как говорится, с младых ногтей.

Будучи молодым писателем, он писал очень смело, указывая на болезни общества, в котором пребывал, и в результате угодил...что и требовалось доказать.

Судья районного суда, зачитывая приговор, очень эмоционально, что было довольно странно для объективного и уравновешенного голоса справедливости, изрекла: «За жалкий, вредоносный и поганый пасквиль, очерняющий нашу социалистическую действительность!».

N. получил четыре года, но через два, перед развалом социалистической действительности, попал под амнистию.

И вышел на свободу.

Был N. характера крайне неуживчивого, в результате чего постоянно находился в антагонистических отношениях с сокамерниками и часто вступал в драки и неоднократно бывал бит и перебит. Так что, N. покидал тюрьму с разукрашенным фасадом.

Тот же самый неуживчивый тяжелый характер послужил причиной тому, что N. и теперь, несмотря на свой солидный возраст, оставался один. Один-одинешенек.

Были приходящие и уходящие. Были приходящие и быстро уходящие. Но, в конечном счете, N. пребывал один в своей маленькой квартирке с ванной комнатой, кухней и компьютером.

После приятного невропатолога N. побывал у не очень приятного ортопеда (мужчина, плохо побритый, запах изо рта) пожаловался ему на позвоночную грыжу, показал снимки МРТ и с удовольствием услышал, что совет ортопеда и симпатичного невропатолога совпадают.

N. не любил усложнять жизнь, в тот же день пошел и купил месячный абонемент в бассейн недалеко от дома.

N. стал посещать бассейн, сначала неохотно, будто эти посещения отрывали его от бог весть каких важных дел, но потом постепенно втянулся, плавать ему понравилось, плавать он умел с юности и потому не нуждался в тренере, и скоро плавание в бассейне стало одним из маленьких удовольствий его текущей (вяло текущей) жизни.

Он удвоил посещения, заплатив соответственно двойную цену, и теперь почти каждое утро, очень рано (зимой только начинало светать) посещал бассейн, пока не набежали другие посетители. Он получал истинное удовольствие от плавания и своего одиночества в огромном бассейне, плавал на спине, брассом, кролем, примитивными саженками, нырял с тумбы в зеленую прозрачную чистую воду, короче – жизнь показала ему свою еще одну, на этот раз положительную, грань.

Но нельзя избавиться от воображения, особенно, если оно у вас буйное, бурное, почти сумасшедшее, нет, нельзя... Оно или есть или его нет, и как же жаль людей, лишенных его, ведь воображение, фантазия нашего ума – и есть реальная жизнь, реальная действительность, особенно для творческих людей.

A N. был, несомненно, творческим человеком и любил, холил, лелеял и пестовал свое воображение, хоть оно порой и мешало жить и пребывать в реальности, отчего замечал он на себе странные взгляды окружающих.

И вот однажды, когда N. в упоении плавал один-одинешенек в бассейне, ему вдруг почудилось, будто что-то задело его за ногу, и даже почувствовал он небольшое жжение от прикосновения чего-то, он нырнул, протер очки для плавания, раскрыл глаза под водой и... увидел...

Огромный, красный осьминог, распутив под водой свои конечности с присосками, выпучив мертвые мутные глаза, следил за подплывающим к нему N.

Охваченный ужасом, N. что было сил устремился к краю бассейна, выскочил из воды и стал пристально вглядываться в спокойную чистую поверхность, таящую... Таящую?.. Нет... Вроде ничего...

Он мелкоком бросил взгляд на электронные светящиеся на стене часы: первые посетители должны прийти не раньше, чем через сорок минут. Не зная, что предпринять, N. стал вглядываться в воду, и тут огромный красный спрут показал свое тело, всплыв на поверхность и угрожающе раскинув щупальца, задевая, приподнимая и срывая канаты, разделявшие дорожки на бассейне.

N., весь дрожа, торопливо покинул бассейн, не говоря ни слова сторожу, открякнув ему дверь, но пройдя несколько шагов, вернулся и сказал:

– Там... это... Вы посмотрите... кажется, мне что-то показалось... Посмотрите бассейн... там вода...

Сторож глянул на него, ухмыльнулся и произнес загадочно:

– А куда же его девать?..

N. бросил дикий взгляд на сторожа и почти бегом пустился к дому.

Прикосновение монстра к ноге N. и сейчас ощущал живо и дома осматривая ногу – поближе к лодыжке было небольшое покраснение. N. протер ногу в этом месте спиртом и вошел в ванную, стал наполнять ванну, и тут зазвонил телефон. Пока он говорил по телефону, ванна наполнилась. N. вошел посмотреть и увидел уставившегося на него выпученными глазами из воды маленького спрута.

N. в ужасе, покрывшись холодным потом, бросился прочь, крепко закрыв дверь ванной.

Отдышавшись, он все же приоткрыл дверь и увидел, что монстр, будто разбухая от воды и на глазах становясь все крупнее, меняя спокойную бледность на красный цвет, вываливался из ванны, протягивая к нему, N., свои щупальца.

N. в ужасе захлопнул дверь, уже ощущая навалившуюся изнутри тяжесть, под напором которой дверь прогибалась и становилось трудно её удерживать, словно тяжесть с каждой секундой увеличивалась, была все ощутимее, тяжесть, которой нельзя было противостоять одному человеку.

И вот дверь распахнулась, и уже большой, почти не вмещавшийся в маленькую ванную комнату осьминог беспомощно шлепнулся своими мокрыми щупальцами на паркет пола и сердито, налитыми злостью глазами уставился на N., стараясь достать его ногу своими щупальцами.

У N. зашевелились волосы на голове, он перестал дышать, лихорадочно соображая, что нужно делать, как избавиться, и... тут он потерял сознание.

Очнулся N. в своей постели, протер глаза, посмотрел на часы и понял, что сегодня безнадежно опоздал на бассейн, и теперь там целая толпа пловцов и пловчих...

И тут он вспомнил осьминога, монстра, которого видел в бассейне так живо, так ярко, что это никак не могло быть сном. Он потряс головой, будто отгоняя жуткое видение, поднялся и пошел в ванную умыться.

Мертвый маленький – уместился бы на двух растопыренных ладонях – осьминожек лежал на пороге ванной комнаты, глаза его были прикрыты и всем своим видом он будто укорял N. за то, что он не позаботился о нем, бросил умирать одного, одного в этом чужом для них обоих мире.

